

Шакьямуни

От «Вед» к «Панчатанатре»

У подножья седых Хималаев раскинулась земля народа кошалов. Правило ею дваждырожденное племя Шакья, считавшее себя внуками Солнца. У царя Шакья родился первенец, которого назвали славным среди мудрецов именем Гаутама. На седьмой день после рождения сына умерла его мать.

Отец решил посвятить жизнь сыну. Он приказал отгородить дом высокой стеной, чтобы ничто не могло смутить юную душу. В ворота пропускали только красивых, хорошо одетых, здоровых людей. Прожив двадцать девять безоблачных лет, став мужем и отцом, Гаутама ни разу не выходил за ворота и с наивностью ребенка полагал, что всем живется так же беззаботно, как ему.

Он бы и дальше пребывал в этом счастливом неведении, если бы под тяжестью времени от стены не отвалилось несколько камней. Прогуливаясь по саду в сопровождении верного и молчаливого слуги, Гаутама обнаружил отверстие и выглянул через него. Его взору предстала каменистая дорога и одиноко бредущий по ней человек.

— Кто это? — спросил Гаутама у своего спутника.

— Старец, — отвечал слуга.

— Почему он согнулся?

— От долгих лет, — ответил слуга.

— Значит, и я буду таким... — задумчиво промолвил юноша.

Его прекрасный, светлый лоб впервые прорезала морщина.

Слуга промолчал, вспомнив, что ему было приказано не говорить ни о чем, что могло бы огорчить царевича.

С этого дня словно какая-то сила тянула Гаутаму к месту, откуда открывался неведомый ему мир.

Как-то ему предстало странное зрелище. Впереди шел человек с факелом. За ним двигались люди с носилками, на которых недвижимо лежал бледный

человек. Сзади виднелись женщины с распущенными волосами, с плечами, посыпанными пеплом. Из их уст вырывались какие-то звуки. Это был плач.

— Что делают эти люди? — спросил Гаутама слугу.

— Они несут мертвого, — отвечал слуга.

— И меня так понесут? — спросил Гаутама.

Слуга молча отступил, вспомнив о приказе царя. Никто не заметил первой горькой складки у рта царевича.

Вечером того же дня, отослав слугу, Гаутама сам подошел к стене. Он увидел странного человека, звящего колокольчиком.

— Подойди сюда! — крикнул Гаутама. Незнакомец сделал несколько шагов и остановился. И

тогда царевич увидел, что лицо человека сморщено, как кожа спеченного на огне яблока, а грудь под лохмотьями в язвах и струпьях.

— Кто ты? — спросил Гаутама.

— Разве ты не видишь, я — прокаженный.

— И ты зовешь людей на помощь?

Из уст прокаженного послышался звук, напоминающий бульканье кипящей воды. И это был смех!

— Нет! Я звоню, чтобы разбегались. Много лет я не слышал человеческого голоса.

Гаутама был пронзен состраданием. Из глаз его хлынули неведомые ему слезы. В них расплылись очертания стены, отгораживавшей его от людей. Мир, полный страхов и горестей, звал к себе. И царевич шел, повинувшись этому зову.

С тех пор во многих городах и селениях северной Индии видели удивительного странника. Судя по остаткам дорогой одежды и обуви, он был из дваждырожденных. Но его не привлекали дома, откуда доносились пение, музыка и смех. Он появлялся там, где слышались плач и стоны. Став

добровольным помощником лекаря, он поил больных, обмывал зловонные раны. Он стоял у шалаша чандала, питающегося отбросами из разбитой посуды, и на юношеском лице не было видно отвращения.

Однажды Гаутама, прося подаяние, пришел в главный город страны магадхов. Царь увидел его с террасы дворца и удивился благородному облику нищего.

— Взгляните! — обратился царь к приближенным. — Юноша у ворот держится прямо. Чело его прекрасно. Нет, не низкого он рода. Слуги! Приведите его ко мне.

Пока слуги сообразили, чего от них хотят, пока они выбежали к воротам, незнакомец скрылся. Царь обещал наградить каждого, кто укажет место обитания юноши царственного вида в одежде нищего.

Прошло немало времени, пока одному из царских пастухов удалось удовлетворить любопытство владыки.

Склонясь перед троном, пастух сказал:

— О великий царь! Юноша, которого ты ищешь, — отшельник. Он живет в горах, в жалкой хижине.

Царь приказал запрячь коней и отправился в горы. Когда дорога кончилась, он сошел с колесницы и двинулся к обиталищу отшельника пешком.

Переступив порог хижины, царь приветствовал юношу и обратился к нему со следующей речью:

— Я увидел тебя, когда ты был у ворот моего Дворца. Твоя красота достойна лучшей доли. Переходи в мои покои. Но сначала скажи, откуда ты родом.

— Я из славного племени Шакья, рожден в царском доме и покинул его, чтобы узнать, как живется людям, чтобы помочь им в их бедах. Нет лучшей доли, чем та, что я выбрал.

И ушел царь, поняв, что отшельнику не нужна его помощь, что тверд он в своем решении.